

ПРИЛОЖЕНИЕ

**ДЖОН СТЕЙНБЕК И СССР (1939–1943).
ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ**

Ал. Абрамов

**Внутренние рецензии на книги Джона Стейнбека
(«Гроздь гнева», «Райские пастбища», «О мышах и людях»)**

«Плоды гнева» (“Grapes of Wrath.” 1939)

Название романа заимствовано из «Боевого гимна республики» – эпохи американской войны за независимость. «Мои глаза видели славу господ. Он вышел из виноградника, где созрели гроздь гнева...»

Гневом дышит роман Стейнбека, роман о современных американских фермерах, разоренных, изгнанных из родной земли, обманутых, голодных, тщетно ищущих работы и хлеба. Их деда, боровшиеся за страну свободных, отвоевали землю у дикой природы, возделали ее, собственными руками построили дом. Их отцы от зари до зари работали на этой земле, были ее хозяевами. Но сейчас фермеры перестали быть хозяевами своей земли и дома. Нужда, заставлявшая их обращаться за помощью к банкам, превратила их в арендаторов. Засуха, кризис, песчаные бури отняли у них последнее. Банка предпочли согнать с земли обнищавших арендаторов и создать крупное тракторное хозяйство.

И вот – запаханы поля фермеров, их дворы, их садики. Опустели дома. Люди, сразу потерявшие все, двинулись на поиски счастья в Калифорнию, куда манили их листовки консервных фабрикантов, обещавших каждому работу и хлеб. Но листовки лгали. Хозяевам калифорнийских фруктовых плантаций действительно требовались батраки-поденщики. Но требовались сотни, а не тысячи. Может быть даже тысячи, но не сотни тысяч. Хозяйский расчет был прост: чем больше будет голодных ртов, тем дешевле будут рабочие руки. И обманутые голодные люди сотнями тысяч двинулись в «благословенный край», забывая автомобильные дороги Америки. Казалось, двинулась на Запад вся страна.

Двинулась и семья фермеров Джодов. В старенькой машине, купленной на последние гроши, полученные от проданного имущества,

семья Джодов отправляется в далекий и тяжелый путь. На пути переселенцам встречаются такие же бездомные странники. Те уже побывали в Калифорнии и познакомились с «прелестями» благословенного края: с безработицей, голодом, полицейским террором. Но все же надежда на что-то лучшее, последняя надежда обездоленных, разоренных людей гонит Джодов вперед. Умирают в пути дед и бабушка – представители старейшего поколения семьи. Старший сын остается где-то на берегу попявшейся на пути реки. Муж дочери исчезает, подло бросив беременную жену. Но оставшиеся члены семьи продолжают упорно бороться за жизнь на чужой, враждебно встретившей их земле. Страшные картины рисует Стейнбек. Скитания тысяч бездомных людей по дорогам Калифорнии. Жизнь в Гувервиллях, где люди живут как крысы в норах. Нищенский заработок и каторжный труд. Чудовищный полицейский террор: сожженные лачуги переселенцев, зверские убийства ни в чем невинных людей.

Гневом дышит каждая строчка этой замечательной книги. Стейнбек показывает, как отмирают собственнические инстинкты фермеров, как отсталые люди превращаются в сплоченный коллектив. Назревают забастовки. Священник, сопровождающий Джодов в пути, становится агитатором, лидером бастующих, и погибает от руки полицейского бандита. Том, представитель младшего поколения Джодов, вынужденный скрываться, преследуемый за убийство полицейского, отправляется бродить по стране, призывая народ к борьбе за право на жизнь и работу.

Джоды разбиты, рассеяны, но не подавлены. Они готовы продолжать упорную страшную борьбу за жизнь, становясь как бы символом многомиллионных народных масс сегодняшней капиталистической Америки.

Роман следует печатать как можно скорее. В нем все замечательно: и язык, и мастерские описания жизни и быта фермеров, и полнокровные художественные образы его героев.

Небесные луга (“The Pastures of Heaven.” 1938)

Джон Стейнбек, левый калифорнийский писатель, к сожалению, совсем неизвестен в СССР. Он является автором нескольких крупных произведений, имевших большой успех в Америке: последний его роман «Плоды гнева» признан Лигой американских писателей лучшим романом 1939 года.

Рецензируемая книга была впервые опубликована в 1932 году и переиздана в 1938 году издательством Модерн Эйдж букс как одно из лучших произведений Стейнбека. Книга содержит 12 глав – новелл, рассказывающих о делах и людях горной калифорнийской долины «Небесные луга». Это – небольшой фермерский поселок, один из чудеснейших уголков Калифорнии, где сама природа создала, казалось бы, необходимые условия для земного рая. Вводная новелла уводит читателя вглубь истории в эпоху испанской колонизации, рассказывая об одном испанском капрале, который, конвоируя группу арестованных индейцев, наткнулся в горах на долину, красота которой поразила его. Здесь он остался жить и назвал это место «Небесными лугами». Но счастливая жизнь капрала была омрачена неожиданной насмешкой судьбы: он умер от благоприобретенного им в этом «раю» сифилиса, которым наградила его индианка-жена.

Об этом сообщается очень кратко, но именно это сообщение и определяет основную мысль автора, заложенную в каждой из последующих новелл. «Земной рай», оказывается, полон самых неожиданных и нелепых человеческих драм и трагедий, порой смешных, порой страшных, но одинаково отравляющих людям их жизнь в этом «раю». Щедрая природа, казалось, обеспечила им все условия для счастья и благополучия. Даже самые бедные здесь (книга была написана или задумана, по-видимому, до кризиса 1929–1933 г.) живут в относительном благоденствии. Даже бедняк из бедняков Джуниус Молтби беден только потому, что сам обрек себя на нищету, потому что предпочитает жизнь как «руссоист», почти ничего не делая и не умирая с голоду лишь потому, что природа слишком щедра. Однако, и его счастливая жизнь нарушается неожиданным диссонансом. Его сыну Робби, счастливому, как и его отец, абсолютно не имеющему представления о том, что он беден, попечители школьного совета в припадке великодушия дарят новое платье вместо его лохмотьев. Робби понял. Безмятежное существование его разбито. Понимает это и его отец, и покидает долину, отправляясь в город на заработки, чтобы обеспечить какое-то будущее для своего сына в этом мире, делящемся на богатых и бедных, в мире, где даже «Небесные луга» не являются исключением.

В каждой новелле неожиданное вмешательство случая, судьбы, нелепого стечения обстоятельств ломает счастливую жизнь обитателей долины. Становится убийцей талантливый юноша-индеец, мать, безумно любящая свою сумасшедшую дочь, становится виновницей ее гибели, становятся проститутками две славные девушки-мексиканки, сгорает

дом богача Уайтсайда, дом, построенный его отцом «на веки веков», дом, в котором, как мечтал первый из Уайтсайдов, должно было звучать множество счастливых детских голосов, но дети не родились, и в старом доме было пусто и неуютно. Счастливая долина оказывается населенной полудиотами, маньяками, лгунами, которые портят жизнь и себе, и своим близким. Нет счастья в этом, казалось бы, самом счастливом месте на земле. И эту мысль автора иронически подчеркивает заключительная новелла: туристы, проезжающие в горах на автобусе, останавливаются и глядят на долину, лежащую внизу. Какое красивое место, как должно быть легко и счастливо живется ее обитателям!

Причину трагического в жизни своих героев Стейнбек видит не в экономических и социальных условиях, а в неожиданном вмешательстве судьбы, случая, трагического стечения обстоятельств. Все герои у него милые, симпатичные люди. Нет среди них ни подлецов, ни хищников, ни эксплуататоров. Даже убийцы у него – жертвы случая. И вот не удастся людям найти счастливую жизнь даже с помощью самой щедрой природы. Ирония судьбы, нелепая насмешка случая – так философствует по поводу своей «райской долины» Джон Стейнбек.

Написаны новеллы отлично – сочным, выразительным, богатым языком. На книге – бесспорная печать большого литературного мастерства. И все же трудно рекомендовать что-либо для перевода. Как ни хорошо написаны эти новеллы, они как-то не характерны для сегодняшней Америки и, главное, не характерны для нынешнего этапа в творчестве автора. Судя по отзывам американской печати, Стейнбек сейчас дает подлинную, не прикрашенную картину американской действительности. Рецензируемая же книга представляет скорей любопытный литературный эксперимент, чем отражение подлинной живой жизни.

«О мышах и людях» (“Of Mice and Men.” 1937)

Рецензируемая книга Стейнбека – роман о дружбе. О дружбе двух калифорнийских батраков, двух бездомных бродяг, Джорджа и Ленни. У них нет ни семьи, ни дома, ни постоянной работы, никаких привязанностей, кроме долготелней дружбы, которая крепко связывает обоих. Но дружба эта – особая. Ленни привязан к Джорджу, как собака. Джордж заботится о Ленни, как о ребенке. Ленни, по существу, и является только взрослым ребенком. Обладая огромной феноменальной физической силой, сложением гиганта, он умственно недоразвит, инфантилен. У

него – мозг ребенка. С легкостью выполняя работу нескольких взрослых людей, Ленни в своих желаниях ребячески примитивен. Он любит животных, но не как взрослый, а именно как ребенок, любит ласкать и гладить щенков, полевых мышей, кроликов потому что они «маленькие и теплые». И, как ребенок, не понимает, что его ласки жестоки: не соразмеряя сил, он душит щенков, ломает им кости, не сознавая этого. Он причиняет Джорджу массу беспокойства и волнений. Он может хватить женщину, потому что ему понравилось ее шелковое платье: «оно такое гладкое». Но, кроме Джорджа, в нем никто не видит ребенка, и шалости Ленни создают множество неприятностей для обоих. Им то и дело приходится бросать работу и бежать в другое место, спасаясь от разъяренных фермеров. Но Джордж не в силах бросить Ленни на произвол судьбы: он знает, что тот неминуемо погибнет, попадет в тюрьму или, что еще хуже, станет жертвой линчевателей. И вот они оба бродят от фермы к ферме, от одного случайного заработка к другому. У обоих одна мечта – самим сесть на землю, завести небольшое хозяйство. Ленни тянется к этому бессознательно, «потому что на ферме будет много кроликов». Джордж мечтает об этом, потому что смертельно устал от бродячей жизни, потому что ему хочется оседлости, покоя, «собственной крыши».

Действие романа происходит на ферме, где находят работу оба приятеля. Но с первых же дней начинаются неприятности, которых так боялся Джордж. Сын хозяина, ничтожество и задира (он боксер легкого веса), придирается к батракам, ища ссоры. Жертвой его становится Ленни. Ленни ведет себя при этом, как ребенок, он плачет, когда его избивают, но стоит ему только схватить кулак своего противника, как у того все кости ладони и пальцев оказываются сломанными. Едва удалось Ленни избежать расплаты за содеянное, как он учиняет новую «подлость», на этот раз оканчивающуюся еще более трагически. У изувеченного им боксера есть жена, кокетливая пустая бабенка. Она заигрывает со всеми, в том числе и с Ленни. Но Ленни не понимает ее приставаний. Он гладит ей волосы, потому что они «пушистые и гладкие». А когда та, испуганная, начинает вырываться, Ленни, в свою очередь, испугавшись, в одно мгновение ломает ей спинной хребет.

Роман кончается трагически. Батраки ищут Ленни, для них он не человек, а чудовище. Ему грозит опасность быть линчеванным. И тут, чтобы спасти его от страшного конца и покончить, наконец, с этой ужасной жизнью, Джордж сам убивает своего друга, убивает, как убивает хозяин любимое, но взбесившееся животное.

Американская критика называет этот роман – романом из жизни батраков калифорнийского побережья. Но это неверно. О жизни батраков, об их борьбе, работе, стремлениях мы ничего не узнаем из этой книги. Герои ее, Ленни и Джо, с таким же успехом могли быть представителями любой профессии. По существу роман – это психологический этюд о дружбе, в которой есть что-то патологическое: ведь Ленни даже не человек, а монстр, место которому в доме умалишенных. Прочитав роман, можно говорить о манере Стейнбека создавать трагический гротеск в самых обыденных житейских условиях, о колоритности и обаятельности его персонажей, о своеобразной яркости его описаний и образов. Но все же роман никоим образом для перевода не годится: он, при всей талантливости своей, не имеет ни познавательной, ни общественной ценности.

Публикация выполнена по источнику: РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 495. Л. 67–68, 73–75.

Статья Маргарет Маршалл о творчестве Джона Стейнбека (Из реферативных материалов Иностранной комиссии Союза советских писателей)

28 апреля 1940 г.

В журнале «Нейшен» от 25 ноября 1939 г. напечатана статья Маргарет Маршалл «Джон Стейнбек». Привожу ее в несколько сокращенном виде:

«Джон Стейнбек завоевал с апреля 1939 года больше славы, чем кто-либо другой из живущих ныне писателей; но сам он, по видимому, смотрит на себя более трезво, чем все его критики. В интервью для «Лос-Анджелес Таймс» в июле он заявил: «Я еще не законченный писатель». «Меня не удастся превратить в литературного льва. Я думаю об арабских рассказчиках, лучших писателях мира. Они не были окружены комфортом и роскошью. Они собирались на рынках и сказывали, и пересказывали истории, отделявая, оттачивая их, пока они не принимали той формы, с которой мы знакомы по “Арабским сказкам”».

Насколько мне удалось выяснить, это не ложная скромность. Стейнбек действительно очень скромн; об этом есть ряд достоверных

свидетельств. Но в то же время эта скромность не мешает ему быть уверенным в своей работе, хотя как раз перед «Гроздьями гнева» он разорвал рукопись на ту же тему, решив, что это «не то»...

Джон Стейнбек представляет собою типичный пример развития писателя в условиях американской целины. Он родился в 1902 году в Монтерей каунти, штат Калифорния, и, за исключением коротких промежутков времени, жил всегда в этом штате, который все производит в неслыханных масштабах. Он вырос в изолированном кругу ранчо, среди американцев и того смешанного народа из мексиканцев и других национальностей, которые населяют Калифорнию. Он посещал среднюю школу в Салинасе и некоторое время пробыл в Стэндфордском университете. Летом он работал на ранчо; один сезон он пробыл на сахарном заводе. Он немецко-ирландского происхождения. Его мать – школьная учительница, отец – местный казначей – сам он написал много рассказов от руки в отчетных книгах отца в начале 1900 гг. Судя по фотографиям и рассказам людей, знакомых с ним, в нем шесть футов роста, он худощав. По словам одного человека, он сложен «по-немецки» плотно и имеет немецкие черты, а «ирландские» голубые глаза придают его лицу неожиданную живость и подвижность. По выходе из Стэндфорда он провел некоторое время в Нью-Йорке, где работал недолго в качестве газетного репортера и грузчика. Все говорят, что он ненавидит Нью-Йорк и боится его.

Он мало вращался в городах и в литературном мире, который он избегает. Страстной любовью к природе и сельской жизни проникнуты его книги, да и написано большинство его книг о людях земли. Говорят, что он всегда опасается за завтрашний день; это приписывают многолетней нужде; он и сейчас живет очень скромно, а свои немалые заработки держит в различных банках, причем каждый вклад его не превышает 5 тыс. долларов, т.е. суммы, гарантируемой правительством. Но, несмотря на такую осмотрительность в обеспечении своего будущего, нет никаких оснований упрекать его в излишней осторожности или преклонении перед респектабельностью. Книги его свидетельствуют о другом, и один его знакомый сослался на беззаботное существование в «Плоскогорье Тортилла», как на образец жизни, которая ему по душе. Он женат, но детей не имеет.

Первая опубликованная книга Джона Стейнбека «Золотой кубок» (1929 г.) является романтизированной историей, «с некоторыми ссылками на историю», сэра Генри Моргана. Это была четвертая из написанных им книг; что касается первых трех, то, по словам его друга Джо-

зефа Генри Джексона, одна была отвергнута, а две других он никогда и не предлагал, теперь же все они уничтожены. Стилль «Золотого кубка» литературен и самобытен; он выявляет талант к описаниям природы, тенденцию оживления неодушевленных предметов, страсть к описанию жестокостей, юношескую, сентиментальную символику и любованиие красивой фразой, как будто автор относится к стилю, как к золотому кубку.

Все эти элементы сохранились в его произведениях вплоть до «Гроздьев гнева». Начиная со второй опубликованной книги, объектом Стейнбека являются люди и страна, которые он знал.

Его вторая и третья книги «Райские пастбища» (1932 г.) и «К незнакомому богу» (1933 г.) явились сгустками его романтического и «мистического» отношения к земле, которая была и остается его наиболее убедительным персонажем... Это относится в первую очередь к «Райским пастбищам», где дан также ряд эксцентричных типов, «детей»; это – обычный соблазн для молодых писателей, но чаще всего это помогает только вскрыть их незрелость.

В «Плоскогорье Тортилла» (1935 г.) Стейнбек набросал сентиментальную идиллию из жизни «пайзано» из Монтеррея – этой «смеси испанской, индейской, мексиканской и кавказской кровей». Герои книги – Данни и его друзья, группа аморальных детей. Опять дети. Повесть, задуманная как легенда, полна шарма и иронии и не затрудняет мозга. Но «простой» стиль нарочит и изыскан; действительность плоскогорья Тортилла превращается в нечто крайне нереальное.

«Плоскогорье Тортилла» была его первым успехом и не удивительно, ибо она очаровательна...

В 1935 г. и 1936 г. внимание Стейнбека привлекли беженцы, наводнявшие долины Калифорнии. 12 сентября 1936 года он помесил в «Нейшен» статью, являющуюся как бы конспектом «Гроздьев гнева». В том же году он опубликовал книгу «В сомнительной схватке», рассказывающую историю забастовки сборщиков фруктов, которые бежали на восток со своих разоренных земель. Действие разворачивается стремительно, скачками; книга перегружена элементарными поучениями партийного работника Мака о том, как расшевелить массы, порой они граничат с «бурлеском». В одном месте Мак как бы отвечает на протест читателя: «Я не знаю, почему, но всякий раз, как я говорю с вами, я скатываюсь либо к митинговой речи, либо к лекции». Джим отвечает: «Черт с тобой, Мак, я люблю слушать тебя», и поучения продолжают-ся... Но, хотя сюжет «В сомнительной схватке» кажется мелким и от-

дельные персонажи неубедительными, книга все же пропитана духом реальности.

«О мышах и людях» намеренно сделано под драму и только так и может рассматриваться. Кажется, что это шаг назад после «В сомнительной схватке». Стейнбек говорит, что это была попытка написать роман как пьесу. Опыт одержал успех на Бродвее...

Его следующая книга «Длинная долина», сборник новелл, связанных общим стержнем; персонажи его живые люди. Это простая история, рассказанная на этот раз действительно простым языком о мальчике и его мечтах о пони... Эта книга была шагом к зрелости.

«Гроздья гнева» свидетельствуют о дальнейшем росте. Здесь мощная тема великого переселения как бы потрясла «золотой кубок» стейнбековского стиля, хотя еще большие куски его уцелели до сих пор. Фигуры матери и священника остались от раннего Стейнбека. Мать с самого начала, на стр. 100, дана как понятие, как идея, а не как живой персонаж. Таких подмен характеристики много, и это одно из самых слабых мест Стейнбека. Мать часто говорит не своим языком:

«Вот придет тебе время рожать, и ты будешь думать, что весь мир где-то далеко, а ты одна. Тебе будет горько, Роза, и горе твое тоже будет одинокое, и вот эта палатка, Роза, она тоже особняком стоит от всего мира... Наступает такое время... когда смерть одного человека она свяжет с другими смертями, и рождение ребенка свяжет с рождением других ребят. А рождение и смерть – это как половинки одной вещи».

Автор часто отступает в сторону от сюжета, чтобы изложить свои взгляды на людей, машины и жизнь в «музыкальной» форме. Некоторые из этих отступлений опережают фабулу и действительны сами по себе, но другие – чисто риторичны; сам прием литературных вставок является ничем иным как уловкой. Если бы опустить кое-какие из них, а другие влить в само повествование, структура «Гроздьев гнева» стала бы более органичной; сейчас она держится только на теме. Тема эта отражает сосредоточение раннего Стейнбека на проблеме земли и отношении к ней человека, но здесь она выступает как практическая проблема в существовании человека. Под влиянием поражающей действительности юношеский интерес Стейнбека, как человека, перерастает в острую, социальную тему – экспроприация тысяч людей, их наивная и жалкая привязанность к родной земле и их ненависть к каменной стене крупной собственности. Со злобной радостью Стейнбек терзает нервы читателей, упорно повторяет перечисление жестокостей, направленных против этих людей. Его описание местности, опустошен-

ной засухой и пылью, которое открывает книгу, является не только описанием ландшафта, к которому у него есть большой талант; оно трогает и бьет в цель. Употребление им слов из четырех букв, которое в «Мышах и людях» кажется просто одним из элементов его манеры, здесь получило сильное развитие; местами оно кажется лишним и чересчур литературным, но в целом не надоедливо, хотя и вызвало ряд возмущенных упреков.

Плоды натурализма вылились здесь в «Гроздьях гнева» в образе Ноа, этого странного сына Джодов, но здесь он – лишь тень самого себя из прошлых книг и исчезает по первому знаку автора, который прежде тратил на него столько времени. Символизм дает знать о себе в конце, когда дочь Джодов, родивши мертвого ребенка, отдает свое молоко умирающему от голоду бродяге, и еще при протесте дедушки и его смерти, последовавшей после ухода с земли его предков.

Еще неясно, является ли неовладение Стейнбеком характеристикой персонажей плодом его неспособности или просто незрелостью писателя. Образ Джоди в «Красном пони» свидетельствует о его умении создать настоящий образ, когда он создается из личного знания и опыта и когда он не пытается навязать своим персонажам сентиментальных переживаний по отношению к земле или к «смыслу жизни». Его мелкие персонажи часто гораздо реальнее его центральных фигур.

«Гроздья гнева» разошлись в 300 тыс. экз. Это факт очень утешительный, но легко объяснимый. Книга взывает к гражданским чувствам американцев; в ней есть элементы неправдоподобности; история тысяч и тысяч Джодов, кидающихся на запад, драматически напряжена и волнующа. Судьба фермеров-издольщиков так безотраднa, что вызывает слезы на глазах многих дам в мехах, хотя практически для улучшения этой судьбы сделано пока мало.

Популярность книги была совершенно из ряда вон выходящей. Она сжигалась библиотекой в восточном Сан-Луи. Она получила уничтожающую оценку и была подвергнута гонениям со стороны Объединения Фермеров в Калифорнии. Репортер огайской газеты «Виндикэйтер» зашел даже так далеко, что объявил: «Стейнбек портит прекрасную книгу призывом к марксистскому восстанию». Это он выдумал от себя, а не говорит словами Стейнбека. Ибо хотя детали его описания оклахомцев и могли бы навести газетчика на мысль о возможности марксистского разрешения проблемы, особенно если он, следуя моде, стал классово-сознательным, но Стейнбек нигде даже не намекает на такое разрешение. Напротив, его возмущение по адресу трактора, который ломает

отношения между человеком и землей, превращается в достаточно наивный протест против машин. О чем мечтают «Оки» и, есть основания подозревать, мечтает для них и сам Стейнбек? – о маленьком беленьком домике и клочке собственной земли; это гораздо больше напоминает старую формулу о сорока арках и муле, чем «большевицкие» колхозы. За этим последовал еще один проект, положенный им в серии статей о «Безработице, ее причинах и возможных мерах искоренения». Его «возможные меры» совершенно нереальны, но расширение его опыта никогда не повредит ему как писателю. От писателя не требуется формулировки решений; его единственный долг, если он избирает себе социальную тему, это понять ее. Писательский талант Стейнбек в настоящее время гораздо шире его понимания социальных сил и человеческих характеров...»

Публикация выполнена по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1062. Л. 126–132.

Переписка редакции журнала «Интернациональная литература» с Джоном Стейнбеком

1. Дж. Стейнбек – Т.А. Рокотову

February 22, 1939

Dear Mr. Rokotov,

I thank you heartily for your letter of February fourth. Ordinary, I avoid making statements about things cultural. I think I do not understand the term very well, or rather I understand too many aspects of it which seem to cancel out. One could say that, prior to the revolution, the burden of cultural exchange (on this side at least) – was borne by the great Russian novelists almost exclusively. Our understand of Russian life was entirely gained from Dostoevsky, Tolstoy, Chekhov, Gorki. Here, in California, we had the tradition of the Russian fur traders, of the colony at Fort Ross, but this tradition was remote and dim compared with the clear human pictures of the novelists. So far this is simple. But when I attempt to think of a present general cultural exchange I am puzzled. In Russia I know that some American novelists are read, London, Sinclair, Hemingway, Dreiser. But from Russia to America, there is confusion. A great many of our people take every particle of information about the Soviet Union from violent anti-Soviet sources. Hearst newspapers daily print lies, whole lies: such partisan groups

as the Dies committee ascribe every social and economic ill to the work of communists. The so-called “red scare” is used by reactionaries in every labor trouble. Let us see what opposition there is to these violent anti-Soviet forces. Soviet moving pictures? They are greeted with interest but since they are not shown in any large theatres which are controlled by reactionaries, they are not very widely seen. Novels? They are not widely read. Left newspapers? The subscription lists are small. And of course, ninety per cent of straight news from Russia is either cleverly warped or completely fabricated. Consider Last Sunday’s San Francisco Examiner which printed quite coolly that the Red Army was helpless because all of its leaders had been executed. You can see what chance the ordinary man has of knowing anything about the Soviet Union. Probably the whole people reacted more strongly to the successful flight over the Pole, and was more moved by the lost flight than by any other recent things. I do not say that there is a general ignorance of Russia but that correct information is not available to the great mass of our people. Consider the man who works on the little farm where I live. Yesterday he said: “In Russia, they shoot everyone who has any religion”. I asked, “Where did you hear that?” But he had forgotten where he heard it. He only knew it was so. And I was unable to convince him otherwise. He was quite sure I was lying when I said it wasn’t so. It is so hard to describe for a Soviet reader the situation here. Our great industrialists feared more than anything else the success of the Soviet Union, and when now finally they know it is successful, their great fear is that our masses should find it out, and their efforts and their fortunes are devoted toward keeping that fact from our masses. With nearly all of our newspapers, all of our radio stations, and nearly all of our magazines in the hands of such people, it will easily be seen that a free flow of information, cultural or purely factual, is impossible. Our book publishers seem to be alone. They will print nearly anything. A new Tolstoy, a new Chekhov, writing in human terms could accomplish what nothing else has. Our people are fearful and a little contemptuous of ideologies, but they are sympathetic and warm toward people. Thus a novel about border war in the East, or about political sabotage would be greeted here without interest, but a novel or a play about men and a woman primarily would be welcomed and would also perform a great service. We do not know how common Russian people live, how they enjoy themselves, what the obstacles to their happiness are. We know for example something of the wrecking, but no writer has sent us the important thing – how the people felt. Our people love machinery, and iron filings poured in a bearing would hurt them as it must hurt a Soviet man. We need a book dealing with the things your people love and the things they

hate. We must know them as people and not as ideas. And that service could be performed by a Russian writer of humor and understanding.

I've written at great length and probably have said nothing.

Please forgive me for not using the typewriter. I am ill and confined to bed. Of course you may use this if you can read it and if you find it at all interesting. John Steinbeck

2. Т.А. Рокотов – Дж. Стейнбеку

June 7, 1939

Dear Mr. Steinbeck:

Under separate cover we are sending you the special World Fair issue of our English edition devoted to the intellectual life of the USSR.

We would highly appreciate your opinion on it in any form; your criticism will be a real help in further improvement of the magazine.

Your statement appearing in the special issue of our Russian edition which you will get soon, will be published in a forthcoming issue of the English edition as well.

Sincerely yours T. Rokotov, Editor.

3. Т.А. Рокотов – Дж. Стейнбеку

22 февраля 1940

Дорогой мистер Стейнбек,

Вот уже несколько месяцев, как мы с Вами потеряли контакт, но это не значит, что в редакции «ИЛ» перестали вами интересоваться. Даже наоборот – мы все это время работали над вашим романом «Гроздь гнева» и над подготовкой большой статьи о вашем творчестве. В русском издании журнала «ИЛ» ваш роман печатается полностью в январской, февральской и мартовской книге 1940 г.; во французском издании был приведен большой отрывок. В мартовском номере русского издания пойдет статья, о которой я выше писал. Само собой разумеется, что как только эти журналы выйдут из печати, они вам будут высланы: пока же я посылаю вам те номера, в которых печатались те или иные отклики, связанные с романом. Рад сообщить вам, что ваш роман еще до появления его в русском переводе стал известен самому широкому кругу читателей: отрывки из романа печатались в «Правде» и ряде других газет. Весь Советский Союз знает теперь имя передового писателя США. Однако редакция, к сожалению, не знает, что сообщить читателям, интересующимся вашей дальнейшей творческой работой. Очень просил бы вас написать нам об этом.

Если вы не будете на меня в претензии, то я решаюсь просить вас еще об одном. Я надеюсь, для вас не составит труда прислать нам свою автобиографию и желательно 1–2 фото разных лет.

Получаете ли вы регулярно посылаемое вам английское издание «ИЛ»?

Заканчивая это письмо, я хотел бы еще просить вас сообщить мне адрес, по которому я мог бы перевести вам в США часть следующего вам за роман литературного гонорара. Позвольте напомнить вам о том, что между нашими странами нет литературной конвенции, однако писателям, с которыми мы находимся в постоянном контакте, мы часть денег все же имеем возможность пересылать, остальная часть гонорара вносится здесь на ваш текущий счет в советских рублях, и вы можете ими распорядиться в любой момент, как это не раз делал, например, Эптон Синклер.

Рад буду вскоре читать ваш ответ. Дружески приветствую вас.
Т. Рокотов

4. Е.С. Романова – Дж. Стейнбеку

March 16, 1940

Dear Mr. Steinbeck:

Herewith the editors of International Literature are informing you that a remittance for \$70.75 was made to you early in this month. It is a part of the honorarium for *Grapes of Wrath* which we are publishing in full in Nos. 1, 2, 3–4 of our Russian edition.

We would be glad to receive your acknowledgment of its receipt.

Truly yours Helen Romanova, Secretary.

5. Элизабет Отис (секретарь Стейнбека) – Е.С. Романовой

13 мая 1940

Дорогая мисс Романова!

М-р Стейнбек сообщил о вашем письме нам, его представителям, и мы очень рады подтвердить получение от вас 70 дол. 75 ц., которые, как мы понимаем, являются частью гонорара за «Гроздь гнева» в русском издании. Насколько я понимаю из письма м-ра Рокотова, это лишь часть денег, следуемых м-ру Стейнбеку, и что остальное зачислено ему на текущий счет в рублях. Не будете ли вы так добры сообщить мне, какую сумму это составляет? М-р Стейнбек не намерен, разумеется, в ближайшее время побывать в России, но мне хотелось бы располагать этими данными.

Л. И. Казакова (Жданова)

М-р Стейнбек просил меня передать его благодарность за хороший прием «Гроздьев гнева» в России. У него нет определенных планов на будущее, но сейчас он находится по пути в Мексику для работы над одним фильмом.

Искренне ваша Элизабет Отис.

6. Е.С. Романова – Дж. Стейнбеку

May 27, 1940

Dear Mr. Steinbeck:

The editors of *International Literature* are herewith informing you that a remittance for \$56.60 was made to your address this month. It is a payment for *Grapes of Wrath* which has been published in our magazine. We hope that you received the three issues of our Russian edition that contained the novel.

We would be glad to have your acknowledgment of receipt of the money and the magazines.

Truly yours Helen Romanova, Secretary.

7. Т.А. Рокотов – Стейнбеку

May 9, 1941

Дорогой мистер Стейнбек!

Рад сообщить вам, что ваш роман «Гроздьев гнева» пользуется у советского читателя исключительным успехом. У нас уже вышло несколько изданий этого романа. Кроме журнала «И.Л.» он вышел дорогими изданиями в Москве тиражом 25 000 и в Ленинграде тиражом в 25 000 экз., а также дешевым изданием серии «Роман-газета» тиражом 300 000 экз. Отдельным пакетом одновременно с этим письмом я посылаю вам эти оба издания.

Надеюсь, что вы своевременно получили посланные вам номера «ИЛ», где ваш роман был напечатан. Вы бы меня очень обязали, подтвердив получение этого письма и посланных вам книг.

Советские почитатели вашего таланта были бы очень рады узнать, над чем вы сейчас работаете. Я слышал, что вы закончили свой новый сценарий о мексиканских крестьянах. Если бы мы могли получить его, это было бы для нас большой помощью. В свою очередь я всегда рад быть вам взаимно полезным, в частности, если вам будет нужно выяснить состояние вашего текущего счета здесь.

Искренне ваш Т. Рокотов.

8. «Интернациональная литература» – Дж. Стейнбеку

June 1, 1943

Dear Friend!

We have been sending you our new books and periodicals for some time. We have send you a booklet «A Protest against fascist vandalism», which is a collection of speeches made by outstanding Soviet workers in art and literature at the Antifascist meeting against vandalism.

They include the following authors: A. Tolstoy, A. Korneichuk, M. Bazhan, S. Vurgin, composer D. Shostakovich and the actors: I. Moskvina, V. Barsova, A. Yablochkina, N. Cherkassov, I. Alezandrovskaya and I. Sudakov; the sculptress V. Mukhina; the architects: A. Alabyan and V. Vesnin; the cinema producers I. Oyryev and A. Dovzhenko.

The booklet includes also an appeal to art workers in all freedom-loving countries.

9. М.Я. Аплетин – Дж. Стейнбеку

8 июля 1943

Миллионы советских читателей знают и любят Ваши книги и с огромным вниманием следят за вашим творчеством. «Луна зашла» опубликована в отрывках в журнале «Огонек» и полностью в журнале «Знамя». Два экземпляра высланы Вам. Просим присылать нам ваши новые работы, как только они у вас будут.

Сердечный вам привет и горячие пожелания новых творческих успехов в борьбе против гитлеровской тирании и фашистского варварства.

Зам. Председателя Иностранной комиссии ССП СССР Аплетин.

Публикация выполнена по источнику: РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 1. Ед. хр. 922. Л. 1–22.

**Переписка Джона Стейнбека с Иностранной комиссией
Союза советских писателей**

1. М.Я. Аплетин – Дж. Стейнбеку

December 17, 1940

Dear Mr. Steinbeck:

It is no bad custom to cast a glance at the past year and summarize all that has been done. That is why I have great pleasure in looking back at

the triumphant march throughout the world of your most remarkable book. Thanks for the pleasure I have had in reading your book. Comparing your book with the Jameson book I have read in one of the magazines I could not make out why her book is given such a stupendous amount of publicity and is so unscrupulously advertised.

Thanks to your book, you have now in the USSR thousands of sincere friends and admirers.

Is there anything better I could wish you for the New Year than to attain as much success in 1941 as you had with your book *The Grapes of Wrath*.

I am mailing you the November issue of *Sovietland*. Let the magazine remind you of the country there good literature is highly appreciated.

With heartiest greetings yours M. Apletin.

2. М.Я. Аpletин – Дж. Стейнбеку

March 12, 1941

Dear Mr. Steinbeck;

I have forwarded to you in three parcels six author's copies of your book *The Grapes of Wrath* published by the State Literary Publishing House, Moscow. Kindly acknowledge receipt of same.

Your splendid book enjoys great success among the Soviet readers.

I am collecting the press reviews on the book and will send them to you.

Permit me also to express my profound thanks for the great enjoyment and benefit I derived from reading your highly talented book.

Millions of readers the world over are thankful to you for this book in defense of man and particularly for the image of the mother depicted by you, great in its simplicity and so touching, permeated with humaneness and profound faith in the potency of mankind. There was a great need of such book in these tragic days in the history of mankind.

With hearty greetings and wishes for new victories on the battlefield of literature.

Sincerely yours M. Apletin
Vice Chairman of the Foreign Commission of the Union of Soviet writers of the USSR.

3. Дж. Стейнбек – М.Я. Аpletину

June 26th, 1941

Dear Mr Apletin:

I have your very welcome letter of March 12. The books you mention came forward in good condition and I am most grateful to you for them.

Now a new work is in progress on still a different track. With a collaborator, I am working up a leisurely journal of travel and research to be called «The Sea of Cortez» in which we concern ourselves with the marine animals of the tropical American Pacific Coast. There are a good many inferences, speculations and hypotheses, some of which I imagine you will find both interesting and amusing.

In this connection we are building up a library of reference, and some of the needed works, strangely enough, were published in Russia in the old days. It occurs to me that you perhaps over there might be able to pick up some of these which are reasonably rare in this country, and send them to me, charging them against my royalty account in Moscow. The list follows, the items shown in the order of their importance. The Grube 1877 Annukata monograph, we are particularly anxious to procure, since it comprises a source book of all the information known on Marine Annelid worms to its date of issue. Anything that can be done in this line will be very much appreciated.

Sincerely, John Steinbeck.

List of publications:

- 1) *Memoires de L'Academie Imperiale des Sciences de St Petersburg*, VIIe Serie. Tome XXV, No. 8, 1978.
- 2) Grube, Ed. “Annulata S mperiana. Beiträge zur Kenntniss der Anneliden Fauna der Philippinen, nach den von herrn, Prof. Semper mitgebrachten Sammlungen“. 299 pp., 15 pls. Lu de II janvier 1877.
- 3) Brandt, J.F. 1835. Prodrumus descriptions Animalium ab H.Mertensio in orbis Terrarum circumnavigatione observatorium. Petropoli.
- 4) Middendorff, A. Th. V. 1851. Reise i den äussersten Norden und Osten Sibiriens. St. Petersburg. do Beitrage zu einer Malakozoologie Rossica, vol. 1. 1847, Vol. 2 and 3, 1849.
- 5) Bulletin, Imperial Academy of Sciences, St. Petersburg, vol 4 (1847), vol. 6 (1846) for articles be Middendorff.

Публикация выполнена по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Ед. хр. 85.

Патриотическое выступление Джона Стейнбека
(Из реферативных материалов
Иностранной комиссии Союза советских писателей)

29 ноября 1940

В «Нью мэссес» от 24 сентября 1940 г. помещена редакционная заметка, в которой редакция рассказывает о попытках американской прессы мобилизовать общественное мнение Америки на поддержку закона об обязательной воинской повинности и вступления в войну. В частности, ею усиленно распространяются статьи известных американских писателей на тему «Наша страна» с явно шовинистическим уклоном.

Редакция пишет: «Совсем неудивительно видеть, как писатели вроде Мэри Роберт Райнхарт и Филипа Уайли с восторгом подписываются под этим начинанием. Гораздо более потрясает, когда читаешь, как Джон Стейнбек высказывает мысль, что «почти все американцы верят в одно и то же. Они расходятся в мелочах. Я считаю, что они вполне могли оставить на время все эти детали во имя сохранения нации». Неужели Джоуды – это лишь мелочь американской жизни? Выиграют ли они от войны, которую Стейнбек, как и другие авторы данной серии, приветствует столь радушно? Когда писатель вроде Стейнбека падает жертвой «антифашисткой» демагогии нашей профашистской прессы, тогда «Ассошиэтед фармерс» и другие враги Джоудов торжествуют...»

Референт по США Ел. Романова.

Публикация выполнена по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1102. Л. 175.

Джон Стейнбек требует открытия второго фронта
(Из реферативных материалов
Иностранной комиссии Союза советских писателей)

11 ноября 1942

«Дейли Уоркер» (21.05.42 г.) сообщает, что Джон Стейнбек и все участники постановки его антинацистской пьесы «Луна заходит» обратились к президенту Рузвельту с телеграммой, требующей открытия второго фронта против Гитлера.

«Мы, участники постановки «Луна заходит» – автор, режиссер, актеры, рабочие сцены и администрация – хотим выразить вам нашу полную поддержку вашей наступательной антинацистской политике.

Наша пьеса рассказывает об эпической борьбе народов девятнадцати оккупированных стран Европы. Хотя они и временно покорены нацистами, они находят тысячи способов для беспрестанной каждодневной борьбы с гитлеризмом.

Мужественная Красная Армия свыше года выносила и все еще выносит основной удар нацистской военной машины. Теперь, когда главная гитлеровская армия находится на русском фронте, а Европа только ожидает момента чтобы восстать, мы обращаемся к вам, нашему главнокомандующему, с просьбой открыть западный фронт теперь же и обеспечить победу Объединенных наций в 1942 году. Телеграмма подписана Джоном Стейнбеком, Отто Кругером, Ралфом Морганом и двенадцатью другими участниками постановки.

Аналогичная телеграмма была послана Союзом музыкантов.

Публикация выполнена по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1070. Л. 92.

Полемика в американской прессе по поводу произведения Джона Стейнбека «Луна заходит»

**(Из реферативных материалов
Иностранной комиссии Союза советских писателей)**

21 ноября 1942

Последнее произведение Джона Стейнбека «Луна заходит» (роман и пьеса, вскоре на экране появится и кинофильм того же названия), вызвало оживленную дискуссию на страницах американской прессы. Ряд читателей прислали письма в редакции журналов и газет в связи с этим произведением.

Дж. Стейнбека обвиняют в том, что он напрасно изобразил немцев объективно, «сохранив человеческие черты», нарисовал их в слишком мягких тонах. Поэтому «Луна заходит» демобилизует американских читателей и зрителей. Кроме того, если судить по этой книге, слишком легкой представляется борьба с немцами в оккупированных странах.

Ряд журналов выступили в защиту Стейнбека. Люис Гэннет в «Хералд трибюн» (8.05.42) пишет в статье «Крестовый поход против книги Стейнбека», по поводу статьи Джемса Тербера, опубликованной

в «Нью Рипаблик»: «Редактор «Нью Рипаблик» Брус Бливен считает «совершенно несправедливым» обвинение в «тоталитарном крестовом походе», обвинение, которое «Хералд трибюн» предъявил к «Нью Рипаблик» в связи с нападками этого журнала на книгу «Луна заходит». «Нью Рипаблик», по словам Бруса Бливена, считает, что каждый вправе иметь свое суждение, и журнал печатает все получаемые им письма о Стейнбеке, независимо от позиции их авторов. Однако, – добавляет Гэннет, – «Нью Рипаблик» в редакционной статье пишет, будто Стейнбек утверждает, что могучая духовная сила, заключающаяся в демократии, на деле превосходит эффективность пулеметов. Это столь же извращенное истолкование книг Стейнбека, как и совершенно дикое утверждение Тербера (автора специальной статьи о Стейнбеке в «Нью Рипаблик»), будто, если американцы поверят книге Стейнбека, это приведет к тому, что они проиграют войну.

«Мне представляется, – пишет Гэннет, – что лица, критикующие Стейнбека, главным образом руководствуются следующим соображением: они считают, что Стейнбек не должен писать о немцах, приемлемых или приятных в каком-либо отношении, и тем более даже намекать, что невооруженное сопротивление гражданского населения может сыграть значительную роль в ходе войны. По их мнению, Стейнбек обязан ненавидеть немцев, всех без различия. Я всегда с удовольствием читал статьи Тербера и смеялся над его карикатурами; я знаю, что он один из самых культурных людей Америки. Однако, я нахожу, что, реагируя таким образом на повествование Стейнбека, он проявил истерию военного времени.

Я не считаю книгу «Луна заходит» лучшим произведением Стейнбека. Цивилизованные писатели Америки настолько ослеплены ненавистью, что они обвиняют эту книгу в том, что она якобы служит целям фашистской пропаганды. Это казалось и кажется мне удручающим примером того, как здоровая ненависть к нацизму может привести хороших людей к тому, что и они начнут, сами того не сознавая, мыслить по образу тоталитарного мышления».

«Хералд трибюн», 8.05.1942

* * *

По-видимому, с тех же позиций, что и «Нью Рипаблик», нападает на Стейнбека и критик Клифтон Фадиман. Другой критик Джон Чемберлен («Нью-Йорк Таймс – 9.05.42) возражает ему. Чемберлен приводит следующую цитату из предисловия Фадимана к недавно вышедшему в США новому изданию «Войны и мира».

«Он говорил, – пишет Фадиман о Толстом, – что человеческая природа – нечто постоянное, и она выступит наружу, несмотря на всю деформацию, муштру, обезчеловечение и т.д., которому она может подвергнуться». Но именно это и пытается сказать Стейнбек в «Луна заходит» (разумеется, творчество его стоит на ином уровне). Немцы, которых изображает Стейнбек, иногда сомневаются в мудрости фюрера, иные из них скучают по дому, у других кровопролитие в конце концов вызывает отвращение, третьим все надоело. Они человечны, слишком человечны для осуществления людоедских планов фюрера. Битва за Норвегию, – мы скажем словами, какими Фадиман описывает толстовскую концепцию битвы за Россию в 1812 году, – «сочетание столь многочисленных и самым сложным образом связанных между собой случайностей, что ни один ум, ни несколько умов не могут их предвидеть».

В конечном итоге норвежцы выиграют войну просто потому, что немцам не удастся их организовать.

Фадиман дает понять, что условия пропаганды в 1942 г. требуют никак не объективного изображения немцев, иначе у американцев пропадет желание сражаться с ними. «Немцев надо изображать, как людей, которые ничем не могут искупить свои грехи, иначе мы можем утратить волю бороться с ними».

Но именно это (давать необъективное изображение врага) мы не должны делать, – говорит Чемберлен. – Если мы не в состоянии держаться великих толстовских констант, мы падем до уровня доктора Геббельса, а так как Геббельс использует оружие Макиавелли несравненно более умело, чем мы когда-либо сумеем его использовать, он, разумеется, одержит над нами верх. «Слова – это оружие» – говорим мы. Да, это оружие. Но если мы будем все время твердить это себе, мы позабудем более раннюю и гораздо более важную мысль, что слова должны означать правду, а правда сама по себе – есть наилучшее оружие. Лозунг «Слова – это оружие», по своей сущности, нацистский лозунг, так как он пытается извратить честность слов, которые, как предполагается, должны означать именно то, что мы в них вкладываем, а не что-либо иное. Писатели прежде всего должны заботиться о правде, которая стоит за словами. Иначе они превращаются в цирковых клоунов.

Мы можем разгромить Геббельса посредством правды. Неверно, что ложь, если ее повторять достаточно часто, может стать сильнее правды. Разве Гитлеру удалось убедить Норвегию своей ложью? Или Польшу? Или Францию? Да и убедил ли он самих немцев? Я считаю,

что не убедил даже собственных своих подручных по нацистской партии. Изю всего слышанного я заключаю, что многие нацисты весьма цинично относятся ко всей нацистской программе. Они сражаются потому, что надеются таким путем достичь власти и высоких постов, а не потому, что верят гитлеровским басням. Сила нацистов – в их военной мощи, в их танках и самолетах и в их центральной позиции в Европе. Геббельс, как положительный фактор, исчерпал себя. Пропаганда уже не имеет значения в этой войне.

В дальнейшем только правда может иметь значение, а эта правда так проста, что она не нуждается в «Бюро словесной войны», дабы получить распространение. Вот она, великая и простая правда, – всем нам надоело, что Гитлер превращает наше существование в бойню. Нам надоело, что мы не можем думать о том, по какому плану разбить наш сад в будущем году, ни какое платье сшить, ни как развлекаться, или учиться, или путешествовать в будущем году. Мы хотим снова иметь возможность заниматься своими обыкновенными человеческими делами и чтобы до нас не доносился голос маньяка, похожий на крик совы. Мы хотим того, что хотела Европа в 1815 году, хотим периода без государственных переворотов, путчей и блитцей. И мы знаем, что у нас не может наступить такая эпоха, пока мы не выиграем войны.

Никого не приходится обманывать относительно целей этой войны. Каковы бы ни были в прошлом возможности ее ограничить, теперь ее нельзя закончить иначе, как поставив в Германии правительство, которое на протяжении жизни одного поколения будет вести себя принципиально и без возможных сюрпризов (это же относится и к Японии). Все это знают, однако большинство все же думает, что для оправдания этой войны они должны открыть нам нечто гораздо более таинственное.

Какое-нибудь ответственное лицо должно было бы иметь смелость сказать то, что самоочевидно: мы боремся за мир, в котором будем иметь возможность в мирной обстановке под защитой законов разрешать наши личные и общечеловеческие проблемы.

Итак, я хотел бы поставить под вопрос пользу лозунга «Слова – это оружие». Я хотел бы заменить его более старым лозунгом: «Правда делает вас свободными».

* * *

«Луна заходит» Джона Стейнбека вызвала, как сообщает Брукс Аткинсон («Нью-Йорк Тамс 10.05.42 г.), недовольство ряда читателей, считающих, что Стейнбек так изображает Норвегию под гитлеровским сапогом, что сопротивление фашистам представляется слишком легким и это ослабит подготовку американского военного наступления. Один из зрителей пьесы «Луна заходит» считает, что пьеса эта «убаюкивает зрителей. Она внушает им, что можно оставаться свободными, ничего для этого не делая».

В «Нью Рипаблик» (4.05.42) француз, проведенный год в оккупированной Франции пишет, что «роман Стейнбека – это пощечина всем народам, страдающим под игом Гитлера».

Однако, есть и противоположная оценка среди читателей нашлись люди, пораженные необычайным прозрением Стейнбека, который, не быв сам в Норвегии, сумел превосходно передать и проанализировать самый дух невооруженного сопротивления нацистам в Норвегии. Брус Аткинсон опровергает все предъявляемые Стейнбеку обвинения в демобилизующем влиянии его произведения.

* * *

Некий бельгиец, сотрудник бельгийского посольства в США выступил в выходящем в Нью-Йорке журнале «Свободная Бельгия» с письмом о «Луна заходит». Бельгиец возмущен тем, что Стейнбек в этом произведении упоминает о старушке-бельгийке, которая в войну 1914–1918 гг. отравила на тот свет при помощи булавки для шляп несколько немецких солдат. Столь некультурный способ убийства не может быть употреблен цивилизованными бельгийцами. Только нацисты способны на убийство такого рода. «Нью-Йорк Таймс Бук Ревью», защищая Стейнбека, говорит, что рассказ о старушке-бельгийке писатель вложил в уста одного из своих действующих лиц – немецкого полковника, а потому этот рассказ о бельгийке можно рассматривать как клевету немцев на бельгийский народ.

Публикация выполнена по источнику: РГАЛИ. Ф. 631 Оп. 14. Ед. хр. 1070. Л. 103–109.

**Дискуссионные статьи в американской прессе о романе
Дж. Стейнбека «Луна заходит»
(«Геральд Трибюн», «Нью Рипаблик», «Нью-Йорк Таймс» и др.)**

**(Из реферативных материалов
Иностранной комиссии Союза советских писателей)**

28 ноября 1942

Статья Перл Бак о «Луна заходит»

«Мне трудно думать о новой книге Дж. Стейнбека «Луна заходит», как о романе просто потому, что в ней так ясно выступает структура пьесы (Перл Бак считает, что все произведения Стейнбека ближе к театру).

Стейнбек видит жизнь скорее, чем картину, чем как процесс. Он скорее художник, чем композитор.

Каждую фразу в этой конденсированной и сжатой книжечке стоит прочитать ради нее самой. Можно было бы, может быть, добавить еще много фраз, но ни одной нельзя убрать. Эти совершенные предложения из слов, до краев наполненных содержанием, представляют собой скорее ситуацию, чем процесс. Все вместе взятое – описание того, что случается, когда нацисты захватывают обыкновенный маленький город, каких много везде.

Однако, все свое несравненное искусство Стейнбек употребляет не столько для изображения побежденных, сколько для изображения победителей, и в этом его заслуга. Все мы хорошо знаем побежденных. Многие писатели рассказывали нам о них; больше того, мы их знаем, потому что они похожи на многих из нас. Нам легче вообразить себя ими, чем вообразить себя нацистами. Поэтому победители – новый для нас материал. Нам уже рассказывали, каковы они извне, но нам не показывали их изнутри. Мы знаем, что они делают, но не знаем, почему они это делают и что они при этом чувствуют. Что чувствуют люди, когда они покоряют горсточку ни в чем не повинных крестьян во имя победоносного, но далекого фюрера? Несколькими жесткими четкими ударами кисти, Стейнбек придает этим фигурам человеческое содержание. Даже самый милитаристически мыслящий человек показан им как, в сущности, маленький человек, он жалок вследствие своей примитивности. Однако, писателю удается избежать сентиментальности, показав со всей суровостью, что сама эта простота опасна, потому что она закончена и слепа.

В этой пьесе о человеческих существах столкновение происходит не между победителями и побежденными, а между различными типами людей, входящих в состав оккупационных войск. Некоторые из этих людей вызывают презрение, другие – достойны уважения. Единственный поистине отвратительный тип – это Корелл, местный квислинг, но и победители ненавидят его не меньше, чем крестьяне, – они презирают орудие, которое они вынуждены использовать.

Причина развала, конечного распада не в тайно и беспрестанно сопротивляющихся жителях деревни, она – в самих победителях, которые, в конечном итоге, оказались недостаточно безжалостными для дела, предпринятого ими по приказу их фюрера. Эти нацисты, как ни стремятся быть лояльными, не могут все же выкорчевать из себя все человеческие черты, хотя черты эти отнюдь не обязательно человеческие. Короче говоря, даже нацисты – люди, какими они и родились. В этом их слабость.

(Далее Перл Бак восторженно отзываясь о сценическом мастерстве Стейнбека).

Письмо Эптона Синклера в «Нью-Рипаблик»

«Сэр, Вы, несомненно, получили многочисленные отклики на статью Тербера о «Луна заходит». Мне потребовалось полтора часа, чтобы прочитать этот небольшой роман. А когда я его окончил, моя непосредственная реакция вылилась в десять слов телеграммы, которую я тут же послал издательству: «Слава, аллилуйя!» Что за книга! Зарежем барана в честь Стейнбека!»

Рецензия мистера Тербера заставила меня подумать о том, почему я так отреагировал, и попытаться найти точку соприкосновения двух столь различных мнений. Я согласен, что повесть сильно отличается от «Гроздьев гнева», единственной книги Стейнбека, которую я читал. Я также согласен, что она обладает нереальностью сновидения. Но почему бы Стейнбеку не испробовать новый стиль вместо того, чтобы повторять себя, подобно многим другим писателям? И почему бы ему не видеть снов?

Он не хотел написать реалистическую повесть о Норвегии. Возможно, что он никогда не был в Норвегии и недостаточно ее знает. Как бы то ни было, он не захотел назвать ни Норвегию, ни нацистов, ни Гитлера. Он попытался описать людей вообще. Он хотел показать моральное и духовное действие порабощения на народ, который всегда

был свободным. Он хотел придать своей повести более общий характер, дабы она соответствовала действительности что бы ни произошло. Вот почему в конце книги мэри этой норвежской – в какой-то мере – деревни несколько напоминает греческого философа, казненного за свои убеждения. И сам я, много думавший о том, что бы я сделал, попади в руки фашистов, безо всякого труда отождествил себя с этим – в какой-то мере норвежским – мэром.

По-видимому, мистер Тербер не так-то легко сдаст свою позицию. Я позволю себе предложить ему написать повесть о том, что он будет делать, если он попадетс нацистам!»

«Нью Рипаблик», 6.04.1942.

Письмо Л. Фейхтвангера в редакцию «Нью Массес» о «Луна заходит» Дж. Стейнбека

«Я считаю, что большая несправедливость допускается по отношению к очень многим книгам только потому, что ни читатель, ни рецензент не интересуются подлинными намерениями автора. Так, если писатель хочет описать бифштекс, бесполезно упрекать его в том, что он не описывает пирожное.

В «Луна заходит» Стейнбек сознательно стремится достичь простоты и общечеловеческих чувств, составляющих лейтмотив его небольшой книги. Со стороны технического мастерства это произведение напоминает мне приемы некоторых современных американских художников, например, Гранта Уда. Нам, европейцам, это техническое мастерство Стейнбека и Гранта Уда – ширина, ясность, простота, прямолинейность – представляются в новом и хорошем смысле американскими.

Я считаю большим достоинство книги, что она не натуралистична. Писатель избежал индивидуальных деталей и тем реалистичнее получился общий эффект, подобно тому, как еще более четко вырисовываются очертания гор, если отойти от них на некоторое расстояние.

Совершенно ясно, что Стейнбек хочет изобразить все усиливающуюся ненависть угнетенных и все возрастающий страх угнетателей. Мне кажется, что для этой цели его упрощающая техника подходит более какой-либо другой. Стейнбеку удалось показать тот страх, который физически ощущают захватчики, страх обволакивающий их, между тем как они уподобляются мухам, прилипшим к липкой бумаге. Стейнбеку удалось сделать этот неуловимый страх, таящийся где-то в глубине, столь ощутимым, что читатель словно может его коснуться, дотронуть-

ся до него. В результате получается впечатление подобное тому, какое вызывают рисунки Гойи.

В этом, считаю я, заключается величайшее агитационное значение книги. Мне кажется, что диктовать Стейнбеку-творцу, что он должен был изобразить нацистов в виде каких-то зверей, это значит безо всякого права вмешиваться в его творческий процесс. Он изобразил звериную природу нацизма. Это представляется мне с технической стороны гораздо более трудным, а с художественной – более ценным. А кроме того и более действенным как пропаганда. При ином отношении к теме стиль произведения был бы испорчен.

Изобрази Стейнбек, как требуют его критики, зверинец с дикими зверями, он, быть может, и достиг бы на время эффекта, но книга его была бы всего лишь одной из уже существующих тысячи одной книги. Теперь же его книга показывает всю силу нацистского зверства и дает яркое представление об опасности, заключенной в нацизме.

«Луна заходит» вызывает у читателя ненависть, а не отвращение.

В то же время это произведение лучше какой-либо из имеющихся книг изображает физический страх, постоянно преследующий нацистов. Оно внушает читателю глубокую веру, что эти существа, одержимые страхом, скоро уже не сумеют противостоять давлению тех, кто их окружает».

«Нью Массес». 19.05.1942.

Статья Рут Маккени

Рут Маккени в статье в «Дейли Уоркер» выражает точку зрения Майка Голда, Бруса Минтона и свою на «Луна заходит» (в противоположность почти безоговорочным похвалам в статье Ралфа Уоркера и Сэмюэля Силенна в «Нью-Массес» и «Дейли Уоркер»).

«Выступление Стейнбека в театре против нацистов было большим разочарованием для меня. Я считала «Гроздь гнева» одним из великих американских романов и, прочитав первую рецензию на книгу Стейнбека, немедленно бросилась купить ее.

Увы, «Луна заходит», на мой взгляд, является воплощением именно того, чем не должна быть антинацистская книга. Во-первых, действие происходит в безвоздушном пространстве. По-видимому, Стейнбек хотел дать аллегория, и поэтому он преспокойно удалил из своей мифической деревни все признаки реальной жизни. В действительности, предатели из пятой колонны, будь то в Норвегии, Белграде, Париже

или Бельгии, неизменно – представители крупного капитала, предпочитающие Гитлера – демократии, профсоюзам и т.д. В книге Стейнбека – предатель совершенно не объяснен. Что заставило его предать своих друзей? Никто ничего не говорит об этом, никто ничего не знает. Предатель такой же мистик, как и все другие персонажи, и безо всякого логического основания делает свое черное дело.

Во-вторых, взгляните на тех, кто восстает против Гитлера. Первый из них – шахтер. Это хорошо. Но Стейнбек заставляет его пожертвовать своей жизнью бессмысленно, назло. Нацист толкает шахтера – в ответ тот швыряет кирку в гитлеровского офицера, который оказался поблизости. В действительной жизни мужественные люди жертвовали своей жизнью в борьбе с нацистскими захватчиками. Но те, кого казнили в Париже и в Норвегии, дороже продали свою жизнь, чем глупый герой Стейнбека. В жизни гестапо преследовало людей, которые терпеливо и смело создавали эффективную организацию против Гитлера.

Такой же совершенной чепухой представляется мне последняя часть «Луна заходит». Мэр идет на смерть, цитируя Сократа. Сократ – это, разумеется, хорошо, но нынешняя война ведется за конкретные, современные и чрезвычайно простые идеи.

Стейнбек выхолащивает свою маленькую аллегорию. Он удаляет из нее все признаки подлинной правды, чтобы достичь некоего мистического общения с благородным прошлым. Не могу поверить, что норвежский народ идет в бой, цитируя Платона, или, что норвежцев занимают общие фразы о благородстве человека.

Наконец, я совершенно согласна с вашим (М. Голда) замечанием о нацистах Стейнбека. Писатель, разумеется, вправе сделать свою повесть правдоподобной, указав, что нацисты – люди, что они живут и дышат, как все другие люди. Но в «Луна заходит» Стейнбек изображает большую часть своих нацистских офицеров нервными созданиями, на психику которых угнетающе действует настроение народа, ими покоренного. Можно желать, что бы это было так. Но мы знаем, что в действительности это не так. Свидетельства, получаемые из СССР, говорят о том, что у убежденных гитлеровских офицеров нервы сдают лишь тогда, когда эти офицеры оказываются в очень тяжелом положении.

Меня удивило, что Перл Бак в статье в «Нью Массес» так превозносит Стейнбека. Я считаю, что сама она написала настоящий антифашистский роман. Последний ее роман («Семья Дракона») – превосходный пример того, что может сделать писатель с увлекательным материалом истории нашего времени. В ее книге китайские крестьяне

действуют так, как это бывает на самом деле. У ее предателей – простые понятные причины предавать, а ее герои и героини черпают в явлениях подлинной жизни силу и мужество восстать. Книга Перл Бак – рассказ, полный жизненной правды. Он глубоко волнует, и его нельзя забыть.

Я хочу противопоставить книге Стейнбека другую книгу. Я хотела бы, чтобы каждый американец прочитал книгу Роберта Сент Джона «Страна безмолвных людей». Вот где, в противовес бледной и выхолощенной аллегории Стейнбека, настоящее повествование о настоящих нацистах во время военной кампании на Балканах! Тот, кто прочитал эту книгу, никогда ее не забудет. Эта страшная книга приводит нас в ужас и пугает, – и все же это правда. Отчего писатели должны бояться правды? И почему Стейнбеку надо было выдумывать множество симпатичных нацистов, размышляющих о своей бессмертной душе?

«Страна безмолвных людей» рассказывает о подлинных фактах. Вот как ведут себя нацисты. Вот как им отвечают простые люди. Вот как в действительности предают изменники. Вот подлинная война, которую мы ведем. Стейнбек пишет какую-то чепуху о парашютах, плитках шоколада и динамите. Роберт Сент Джон описывает, как фашистские пикирующие бомбардировщики при помощи сверхмощных бомб уничтожили за час 20.000 человек, тогда как население Югославии идет в бой на возах, в которые впряжены быки.

Гитлеровцы Стейнбека проходят через мучительные переживания прежде, чем решиться расстрелять группу деревенских жителей. Настоящие же гитлеровцы Роберта Сент Джона не задумываясь приняли решение заживо сжечь несколько сот австрийцев и при этом обошлись без всяких гамлетовских сомнений».

«Дейли Уоркер». 9.04.1942.

(Рут Маккенни оговаривается, что написала это письмо в пылу полемики. Теперь же она целиком присоединяется к оценке Луиса Буденца, к которой ее статья «служит лишь добавлением».)

Статья Луиса Буденца в «Дейли Уоркер» о «Луна заходит»

Статья эта как бы подводит итоги дискуссии и выражает объективную точку зрения на книгу Стейнбека.

«Тема, избранная Стейнбеком, – благородная и своевременная тема – восстание свободных народов против захватчиков их родины. Из его книги со всей силой явствует, что эти народы не удастся поработить,

к каким бы угрозам и обманам не прибегали оккупанты. На фоне стойкого сопротивления народа изображен презренный персонаж, местный квислинг – Корелл. Меня несколько удивляет, что другие рецензенты не обратили большего внимания на этот положительный момент. Самое сильное из всех чувств, какие вызывают у нас персонажи или отдельные моменты книги Стейнбека – это презрение к этому квислингу.

Стейнбек также не совсем забыл, что рабочие, как сказал генерал Мак Артур, являются основой сопротивления агрессорам. Вокруг фигуры шахтера Алекса и объединяются первоначально все народные силы, борющиеся против захватчиков; вдова шахтера продолжает борьбу.

За исключением этих двух моментов, Стейнбек совершенно не оправдывает ожиданий.

Когда надо пояснить, почему народ восстает, писатель проявляет большую вялость. Такие восстания никак не вызываются туманным и почти мистическим тяготением к «свободе», а именно им и проникнута вся книга.

Народное восстание возникает в результате особого характера этой войны – в результате унижения национальной культуры, разгрома профсоюзов, потери самых примитивных свобод, а также того факта, что будущий прогресс всех народов мира находится под угрозой. «Луна заходит» совершенно замалчивает такие основные проблемы, и автор допускает ошибку, изображая захватчиков в совершенно нереальном свете.

...Изображать немецкого офицера, как погруженного в самозерцание расслабленное существо, а именно это и делает Стейнбек, – значит просто давать картину, не соответствующую действительности.

(Далее Буденц характеризует основные черты немецкого офицерства – бандитизм, жестокость гитлеровской граб-армии).

Стремясь к реализму и придавая некоторые «человеческие» чувства своим немецким офицерам, чтобы сделать их живыми фигурами, Стейнбек погрешил против реализма.

Но даже здесь автор, пусть мельком, показал нам, как человек, сомневающийся в нацизме или неохотно к нему примыкающий, прикован к смертоносной нацистской машине и вынужден следовать ее территориальной тактике.

В изображении майора Ордэна, главного действующего лица, нет таких недостатков. Его человеческие слабости, его сомнения в том, на-

чинать ли борьбу против захватчиков, может быть, и раздражают тех, кому хотелось бы, чтобы их герои были сделаны из более твердого материала.

Однако, борьба за национальную независимость, по самой своей природе, а также потому, что в ней участвуют весьма многие различные группы населения, дает много таких «вождей», которых народу приходится толкать и торопить, чтобы заставить их начать борьбу.

Самая форма «Луна заходит» сильно ограничивает возможности исчерпывающе осветить замечательную тему произведения. Стейнбек писал скорее для сцены, чем для чтения. Этим объясняется известная поверхностность в обрисовке эпизодов и всего развития романа. Это же мешает отобразить и те мысли и действия, какие сейчас находят свое мощное воплощение в действительности.

Борьбу ведет народ – большая заслуга писателя, что он понимает это. Но народ чрезмерно отодвинут на задний план, и бесстрашие, организованность и сила его массового сопротивления не показаны Стейнбеком в полной мере. Не звучит со страниц его книги и динамическая надежда, которую Советский Союз приносит всем этим борющимся с фашистами народам.

«Луна заходит» не заслуживает ни панегириков, подобных тем, что исходят от Люиса Ганнета в «Нью-Йорк Хералд Трибюн», ни легкомысленной и резкой критики, которую это произведение вызывало у «Нью Рипаблик». Стейнбек первый поднял целину творческой художественной литературы о войне, и одно это объясняет многие недостатки книги. В нашей стране имеется много людей, еще зараженных ядом пропаганды замирения, ядом пацифистских иллюзий. Как книга, так и сценическое ее воплощение, будут полезны для этих людей. «Луна заходит» покажет им, что уничтожить рабский строй стран оси мы можем лишь, если станем бороться, напрягая все наши ресурсы. «Луна заходит» поможет им осознать, что Англия и Америка должны всемерно спешить на помощь оккупированным странам.

Книга эта и одноименная пьеса – обе, вышедшие из-под пера Стейнбека, обладающего вполне заслуженным престижем среди читателей, убедят многих таких людей, которых другим путем нельзя было бы убедить.

Самые недостатки «Луна заходят» как бы являются выводом нашим прогрессивным писателям – написать лучшие произведения о войне, о титанической борьбе и гигантском поле боя, на котором развертывались события.

Мы, разумеется, в первую очередь включаем в группу этих писателей Джона Стейнбека, который первый взялся за такую работу и чье мастерство, проявленное в «Гроздьях гнева», дает все основания предполагать, что он может написать военный роман, стоящий на еще более высоком художественном уровне».

«Сэндэй Уоркер». 5.04.1942.

Публикация выполнена по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1070. Л. 119–131.

Статья Дороти Томпсон о книге Стейнбека «Луна заходит»
(Из реферативных материалов
Иностранной комиссии Союза советских писателей)

10 февраля 1943

Приведенная ниже статья известной американской журналистки Дороти Томпсон о романе Стейнбека «Луна зашла» (Нью-Йорк пост) 15.05.42 г.) обошла всю американскую прессу.

* * *

О книге и пьесе Стейнбека «Луна зашла» идет яростный спор как между критиками, так и между обыкновенными читателями и зрителями. Весь спор идет об одном: есть ли эта книга хорошая военная пропаганда или нет.

Иные находят, что это «ужасная» книга. На днях, будучи в гостях, слыхала, как одна молодая женщина говорила, что книгу Стейнбека следует запретить, так как в ней немцы изображены «такими симпатичными», и что во всяком случае произведение Стейнбека – «сентиментальная чепуха». «Нью Рипаблик» заняла аналогичную позицию. А сторонники книги и пьесы Стейнбека столь же энергично защищают его. Они уверяют, что это «великое», «гениальное» произведение.

Я не считаю книгу Стейнбека «великим» произведением. Это не «Война и мир» и не «Ярмарка тщеславия» или «Повесть о двух городах». Это простая книга о нашествии и оккупации и о том, как ведут себя оккупанты и население оккупированной страны. Я полагаю, что это превосходный образчик пропаганды в лучшем смысле этого слова, которым столь часто злоупотребляют.

Будь я во главе управления политической пропаганды против нацистов, я велела бы перевести эту книгу и, в виде крошечной брошюрки, сбрасывать ее с самолетов на территорию всех оккупированных стран.

Я считаю книгу Стейнбека вполне убедительной, потому что полагаю, что она правдива. Я думаю, что именно так ведут себя захватчики и те, чью землю они захватили. И я считаю эту книгу чрезвычайно волнующей, потому что в ней нет преувеличений и ей присуща отвлеченная объективность, словно автор, оставив в стороне всякие личные свои чувства и симпатии, просто рассказывает о том, что произошло.

Противники произведения Стейнбека оскорблены тем, что немецкий командир в «Луна зашла» симпатичная фигура. Стейнбек изобразил его как человека высоко цивилизованного. То, что он делает, ему не нравится, чувства его протестуют, а ум не верит. И все же он с максимальной эффективностью делает все то, что ему приказано. Он безжалостен, потому что он солдат и повинуетя полученным им приказаниям. Он любознателен, скептически настроен и необычайно проницателен. У него более ясный и полный взгляд на происходящее, чем у всех других действующих лиц.

Однако, у нас считается, что нацисты не могут быть такими людьми, как полковник Лансер, хотя нет никаких указаний, что полковник Лансер – нацист. Он – немецкий офицер. Но, быть может, теперь считается, что и немецкие офицеры, да и вообще немцы не могут быть такими, как он. Все же такие люди в Германии есть. Я знаю десятки немецких офицеров, людей, обладающих вполне зрелым умом, в те времена, когда я имела удовольствие находиться в дружеских отношениях с ними, и они были точь-в-точь такие.

Но, на мой взгляд, драма Стейнбека чрезвычайно сильна именно тем, что она не нападает на нацистов. Она является нападением на нацизм.

В глубоко человеческой трагедии Стейнбека жертвами нацизма являются все, и побежденные, и победители. Потому что нацизм туп, жесток и фальшив. Это философия, зиждущаяся на человеческой низости, садизме, эгоизме и духе соперничества в самом тупом и грубом его виде.

Это философия презрения к людям, которые в ее истолковании либо хозяева, с наслаждением господствующие над пресмыкающимися перед ними подданными, либо подчиненные, которых можно купить или силой принудить повиноваться.

И Стейнбек с большой простотой говорит: люди не такие. Пусть люди и не очень хорошие, но они могут быть хорошими, и им приятнее всего чувствовать, что их поведение достойное. Они не очень мужественные и не очень сильные, но они любят мужество и силу. Им не нравится быть покоренными, и (если только это не примитивные племена дикарей) их чрезвычайно трудно покорить и держать в состоянии покорности.

И вот оказывается, что история подкрепляет точку зрения Стейнбека. Польша – страна, которая была так всецело покорена, как никакая другая страна; свыше 150 лет находилась она не под властью своих завоевателей. Все, что нацисты творят теперь в Польше, все это уже творили в ней ее прежние хозяева. Ее государственные институты были уничтожены, ее вожди, ее самые выдающиеся люди были изгнаны. И все же, как только мелькнула наималейшая возможность получить свободу, весь народ восстал.

Обвинителей Стейнбека, по-видимому, раздражает его абсолютная вера в то, что мы выиграем войну, потому что мы на стороне всего человечества. Они опасаются, что, признав принадлежность немцев к человеческому роду, мы тем самым ослабим борьбу за наше дело.

Они опасаются, что те, кто прочитает эту книгу или увидит эту пьесу, сделают вывод, что нам лишь остается предоставить событиям развиваться своим естественным путем. Однако война есть также результат естественного хода событий. Природа человека неизбежно должна была возмутиться против нацизма и нацистского завоевания.

Стейнбек нигде не говорит, что войну может выиграть лишь одна человеческая природа. Но он дает понять, что принимая во внимание природу человека, какая она в действительности есть, человеческая ярость и изобретательность создадут оружие, которым можно будет вести эту войну – мелкое оружие для маленьких людей в маленьких странах и крупное оружие для более сильных людей в больших странах. Но все эти виды оружия служат лишь средством вооружить восставшую против нацизма человеческую душу. И Стейнбек полагает, что такой бунт человеческой души приведет к поражению нацизма и что даже есть такие нацисты, которые понимают это.

Стейнбек не ненавидит. Ненависть не для поэтов, ненависть и аргументы не для них. Его книга и его пьеса – приговор».

Публикация выполнена по источнику: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед. хр. 1075. Л. 33–36.

Дата поступления в редакцию: 10.08.2023

Received: 10.08.2023

Дата публикации: 25.12.2023

Published: 25.12.2023